

«... при шумном одобрении левых. Правые безмолвствуют»

Военный министр Временного правительства
А.И.Верховский в октябре 1917 г.

Сергей Полторак

Александр Иванович Верховский сделал, быть может, самую стремительную военную карьеру за всю историю России. За три года он прошел путь от капитана до генерал-майора, от старшего адъютанта штаба стрелковой бригады до военного министра.

А.И.Верховский был военным министром лишь около двух месяцев. Он выбрал стратегически верное направление развития Русской армии в условиях войны и внутреннего разлада страны. Но тактика реализации задуманного не позволила ему осуществить свои планы.

Между правыми и левыми

Некотрые человеческие и профессиональные черты А.И.Верховского очень рельефно проявились на пике политических событий в октябре 1917 г. Начало октября 1917 г. был периодом,

когда пессимизм и оптимизм по поводу будущего России в Петрограде шел рука об руку. На фоне добровольных отставок прагматичных и дальновидных военных типа Ф.А.Степуна многие были настро-

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Клио» и «История Петербурга», Санкт-Петербург. E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Ключевые слова: А.И.Верховский, А.Ф.Керенский, Временное правительство, военный министр, Русская армия, Октябрь 1917 г.

ены оптимистично. По городу ходили упорные слухи о том, что в кругах, близких к военному министру, вырабатываются новые начала строительства Русской армии, что эта работа велась на основе опоры на выборные комитеты наиболее инициативных военнослужащих и комиссаров¹.

Некоторые элементы стиля работы военного министра А.И.Верховского хотя и были в духе времени, отдавали откровенной конъюнктурой.

Газета «Новая Русь» с нескрываемым сарказмом описывала встречу генерала с моряками Балтийского, Черноморского флотов и Каспийской флотилии. На встрече публично обсуждался вопрос о высадке немецкого десанта на Эзеле и Даго.

Как отмечала газета, собрание вынесло резолюцию: не противиться злу.

В резолюции подчеркивалось: «Чем ближе к Петрограду приблизится десант, тем скорее будет мир»¹.

А.И.Верховский старался быть по духу новатором.

Это проявлялось в большом и малом. В малом – особенно заметно.

Например, в соответствие с его приказом, 25 женщин, окончивших курсы при Александровском военном училище в Москве, были произведены в первый офицерский чин – в чин прапорщиков², что для того времени было очень большой диковиной.

Хотя новшество не получило распространения, думается, о «чуждачествах» военного министра в армейской среде говорили немало. Скорее всего, доброжелательно, хотя и иронично, поскольку его стремление к позитивным переменам в войсках было общеизвестно. Это вызывало понимание как среди представителей умеренных взглядов, так и сторонников самых радикальных перемен.

Новаторство военного министра проявилось и в регулировании численности войск. Он создал механизм, позволявший если не уволить ряд категорий военнослужащих со службы, то довольно безболезненно временно сократить их численность за счет организации официальных крупномасштабных отпусков. Вероятно, они должны были в какой-то мере воспрепятствовать дезертирству. Думается, что Александр Иванович понимал, что многие отпускники не вернутся к месту службы, но их отъезд из воинских частей таким образом будет носить полуполюгальный характер – ограниченные по времени отпуска плавно перерастут в отпуска бессрочные. При этом армии удастся сохранить свое лицо, взяв под относительный контроль сокращение вооруженных сил.

В приказе военного министра от 3 октября 1917 г., в частности, говорилось: «Разрешаю с 1 октября* во внутренних округах увольнять, не нарушая успешного несения службы, в кратковременные отпуска генералов, офицеров, класных чинов, священников и солдат на следующие сроки:

- в пределах Европейской России, Сибири и Туркестана до 5 недель, при отпусках из Европейской России в Сибирь и Туркестан или обратно до 8 недель;
- из Туркестана в Сибирь или обратно до 8 недель;
- из Европейской России на Кавказ до 7 недель;
- из Сибири и Туркестана на Кавказ до 8 недель.

Число военнослужащих, могущих в зависимости от обстановки одновременно находиться в отпуску предоставляя определить начальникам <...> на первое время устанавливаю норму для отпускных 4 на 100 человек с тем, что при первой возможности таковая будет увеличена.

* Тот факт, что приказ датирован более поздним сроком, чем дата разрешения отпусков – не ошибка, а установившаяся в армии практика, существующая и в наши дни.

Подтверждаю вновь, что отпускные билеты, равно как и проездные документы, должны выдаваться во всяком случае за подписью командиров отдельных частей.

Подписал военный министр генерал-майор Верховский³.

Дальнейший ход истории показал, что благодаря этому приказу не менее 4% военнослужащих всех категорий к моменту государственного переворота оказались не в боевых порядках по месту службы, а у себя на родине или в пути следования. Это обстоятельство по-разному повлияло на внутривойсковую ситуацию в стране, но оно наложило отпечаток на конфигурацию событий, развивавшихся на всем пространстве Российской империи.

Как известно, отношение политиков к вопросу о войне и мире было своеобразной лакмусовой бумажкой образца начала октября 1917 г. Время от времени проходил этот «тест» и А.И.Верховский.

Корреспондент газеты «Общее дело» отмечал, что, выступая на заседании ЦИК, посвященном обсуждению вопроса о военном положении России, «генерал-майор Верховский, только что вернувшийся из Москвы, сделал подробный доклад Центральному исполнительному комитету о положении России в военном отношении. Он указал, что России, так или иначе, вести войну нужно².

По мнению Александра Ивановича, все внимание необходимо было сосредоточить на снабжении армии. Он прогнозировал, что если удастся предстоящей зимой избежать каких-либо потрясений, катастроф, то реорганизация армии перейдет свою активную фазу уже к весне^{2,4}. Как известно, избежать потрясений и катастроф не удалось.

В целом разумные реформаторские меры А.И.Верховского по переустройству армии нередко «спотыкались» о существовавшую реальность. Казалось бы, разумное решение: отстранить от

командования воинскими частями и соединениями всех тех, кто был причастен к Корниловскому мятежу. Но нередко, оценивая ситуацию лишь по формальным признакам, военные чиновники не учитывали «человеческий фактор» во всей его нравственной глубине.

Просчетами Александра Ивановича и представителей его команды время от времени пользовались те, кто на фоне чужой славы тоже хотел привлечь к себе внимание современников. Среди них был и редактор газеты «Общее дело» В.Л.Бурцев.

В одном из выпусков своего издания он писал об уволенном со службы в связи с корниловскими событиями «энергичном и свежем» генерал-лейтенанте Адаме Ивановиче Словачинском, настоящем герое, имевшем пять ранений.

По мнению редактора, он несправедливо был уволен со службы, а его обращения за помощью к А.Ф.Керенскому и А.И.Верховскому не имели успеха. Не оригинальным по тем временам был авторский вывод о том, что случай с А.И.Словачинским – это происки «русских немцев в Петрограде»².

Последствия Корниловского мятежа «не отпускали» ведущих государственных деятелей страны и спустя более месяца после нейтрализации «военной оппозиции». Как известно, по делу о мятеже на государственном уровне велось расследование. 8 октября был допрошен главный свидетель министр-председатель А.Ф.Керенский. 9 октября на допрос был вызван М.И.Скобелев. На вопросы следствия предстояло ответить М.И.Терещенко и А.И.Верховскому².

А.Ф.Керенский во время допроса 8 октября 1917 г. не удержался и съязвил по поводу того, что и Б.В.Савинков, и Л.Г.Корнилов, и А.И.Верховский заблуждались, считая, что до их назначения на должности не предпринимались меры по восстановлению боеспособности и порядка в армии⁵.

В начале октября 1917 г. А.И.Верховский продолжал пользоваться поддерж-

кой широкого круга военнослужащих, о чем они считали своим долгом сообщать в печати.

Так, 5 октября было опубликовано письмо, свидетельствовавшее об одобрении солдатскими массами политики военного министерства и его руководителя. В нем говорилось: «Комитет N артиллерийской бригады, ознакомившись с программной речью военного министра Верховского, постановил обратиться через надлежащие организации в исполнительный комитет свободной армии с предложением приветствовать нового министра-социалиста следующим: «Господин министр! С чувством глубокого удовлетворения солдаты свободной армии приветствуют нового министра-социалиста. Мы уверены, что вы будете “нашим министром”, а не полубогом, с высоты своего величия рассылающим повеления. В вашей программной речи мы услышали новые слова, которых с тоской и беспокойством мы долго ждали. Мы узнали, что сквозь рев звериной драки, вы услышите голос измученного солдата. И мы скажем вам: заря успокоения, заря лучшего будущего стала ярче просвечивать в бурном утре нашей свободы. Если появятся новый Корнилов и потребует наши сердца и наши штывки, то выбор не будет трудным. Керенский и Верховский – вот наши вожди, вот вожди свободной армии, им принадлежат сердца и, следовательно, наши штывки»⁶.

Но оптимизм стремительно угасал. С каждым днем ситуация в армии, на фронте становилась все более трудной. В начале октября силовые министры были приглашены в ЦИК, на заседаниях которого изложили правдивую обстановку в своих ведомствах.

Газета «Общее дело» отмечала: «Сведения, сообщенные министрами Верховским и Вердеревским комиссарам в закрытых заседаниях ЦИК, во всей наготе показали дезорганизацию,

какая царит в тылу, а также в некоторых частях фронта. Сообщения их произвели весьма тяжелое впечатление на членов ЦИК»².

В той же газете В.Л.Бурцев распространял сведения о том, что Временное правительство готовится к эвакуации из Петрограда. Он отмечал, что в Зимнем дворце царит затишье и уныние, нет ни малейшего признака существования правительства.

«Какое великое несчастье, какой беспредельный позор для страны иметь такое правительство, какое имеет Россия в эти дни!»² – рисовался перед читателями В.Л.Бурцев.

Положение на фронтах стало привычной повесткой дня всех институтов власти², но это обсуждение не носило конструктивного характера, а было лишь образцом риторики и ритуальных действий.

10 октября состоялось заседание Временного Совета Республики (предпарламента), на котором среди других с речью выступал и военный министр А.И.Верховский. Он сообщил собравшимся то, что в целом было известно и так: враг продвигался вглубь страны, его цель – победить в войне с Россией, своей цели он не достигнет, но попытается заставить нас принять позорный мир.

В выступлении Александра Ивановича прозвучали слова, оставленные, вероятно, большинством без внимания, но по существу представлявшие собой, быть может, первый случай в истории войн обеспокоенности от ведения противником, помимо прочего войны информационной.

А.И.Верховский замечал: «Германия делает все, чтобы запутать нам карты, она рассказывает всякий вздор, бросает нам всевозможные прокламации, которыми старается убедить нас, что мы воюем за какую-то Месопотамию или за какие-то английские колонии, – все это чистый вздор, и это должно быть ясно каждому воину в окопах»⁷.

Он говорил о мерах повышения содержания офицерского состава, о своем видении дисциплинарных судов, которые выносили бы решения в течение 48 часов, о восстановлении штрафных полков и других мерах по восстановлению порядка в армии.

Очевидец того выступления отметил характерную деталь: «Ген. Верховский заканчивает речь при шумном одобрении левых. Правые безмолвствуют»².

Аналитики отмечали, что содержание выступления А.И.Верховского на заседании Временного совета Республики было логичным продолжением его реформистских идей, ставших общеизвестными еще в середине сентября. В новом выступлении чувствовались динамика и обеспокоенность нарастанием брожения в армии. Одним из объектов беспокойства министра стали анархия и погромы, в которых военнотружущие играли заметную роль. Мотивируя непреклонную решимость и дальше сокращать численность Русской армии, Александр Иванович впервые громко заявил: «Армии грозит голод»⁴.

Важной особенностью речи А.И.Верховского в предпарламенте был его акцент на внутриполитическую ситуацию в стране. Казалось бы, забота о ней – не прерогатива военного министра. Но, судя по всему, некоторыми полномочиями министра внутренних дел он был наделен. Во всяком случае на него были возложены обязанности усиления милиции за счет армейских офицеров, младших командиров и рядового состава, имевших боевой опыт.

Об этом свидетельствуют некоторые подробности той речи.

В ней, в частности, говорилось: «Мы даем городским самоуправлениям наших лучших людей для того, чтобы на местах везде была создана как пешая, так и конная милиция, чтобы безопасность внутри страны доверить людям, которые имеют совершенно определенную репутацию и определенные качества.

Сама страна в лице Совета Республики должна принять решительные меры к тому, чтобы парализовать погромы и бесчинства. Это – дело самой страны. И она должна указать, как ей угодно, чтобы этого не было. Все эти меры, мною изложенные, попытается осуществить Корнилов единолично своей властью, но это сорвалось».

Однако оставить анархию, перед которой мы стоим, преступление перед государством. Пусть Совет Республики скажет, что он считает нужным [сделать] для спасения страны»⁷.

На эти слова с места прозвучала реплика П.Н.Милукова о том, что Совет – не Учредительное собрание. На это военный министр ему ответил, что Совет Республики – «это единственное представительство страны, которое существует, другого нет»⁷.

Во время выступления звучали реплики правых: «Вы забываете о власти!», на что А.И.Верховский отвечал: «...если мы не хотим прийти в то же положение, о котором говорил Бисмарк, что нам оставят только глаза, чтобы оплакивать наш позор, то для устройства порядка в стране, для борьбы с оружием в руках за спасение народа нужно, чтобы сами члены Совета Республики сказали, что они этого хотят и что они в этом видят единственное спасение. Мы сейчас не имеем самой простой охраны человеческой безопасности».

В милицию избраны у нас совершенно случайные люди, среди которых попадают типы, выпущенные только что из уголовных тюрем. Подготовительная работа мною закончена совместно с министром внутренних дел и представителями городского самоуправления. Мною отдан приказ отдавать для комплектования милиции преимущественное право лучшим офицерам и солдатам»⁷.

Генерал-майор А.И.Верховский заявил, что, если не удастся навести порядок внутри страны собственными силами, найдется единственная сила, способная навести порядок, – сила германских штыков. На эти слова эмоциональнее всего отреагировал Н.Е.Марков Второй: «Черт знает что. Нельзя так говорить»⁷.

Наведение порядка в стране, недопущение анархии, погромов – это главная задача момента, попытается убедить собравшихся военный министр.

Любопытно, что призыв к членам прудпарламента навести порядок в стране был встречен с пониманием и даже восторгом «всей левой частью зала», тогда как именно этот хаос объективно был той благодатной средой, из которой только и могло произойти вооруженное восстание.

Речь военного министра вызвала совершенно противоречивые мнения. Против нее выступила газета «Новая Русь», назвав речь генерала «жалкими словами». Не предлагая каких-либо конструктивных мер по улучшению ситуации в стране, газета выдвинула обвинения против А.Ф.Керенского, А.И.Верховского и Временного правительства в целом¹.

Сходную позицию заявила и газета «Общее дело».

Оценивая итоги работы Временного совета Российской Республики в военной области, она отмечала: «Мы убеждены, что более верную картину состояния армии дал[и] не Керенский и Верховский, а ген. Алексеев»².

Более взвешенную оценку событиям дала газета «Война и мир». Не комментируя ситуацию, она опубликовала ряд выступлений, прозвучавших на заседании Временного совета Российской Республики, в том числе и речь военного министра Временного правительства генерал-майора А.И.Верховского.

Согласно версии газеты, содержание его речи сводилось к следующему: «Сейчас развиваются военные операции. Противник пользуется каждой возможностью, чтобы нанести новые удары.

Противник высадился сейчас на материк и продвигается вглубь.

Главная цель всех ударов – не победа на поле сражения. Немцы не в состоянии развить удары в той степени, чтобы заставить нас признать германскую волю. Цель – психологическое воздействие на народ. Немцы рассчитывают, что сердце забьется у трусов и что они подпугнут позорный мир, какой Германия хочет заставить принять.

Прежде всего я должен сказать, что люди, говорящие, что русской армии не существует, не понимают, что они говорят. Немцы держат перед нашим фронтом 130 дивизий: это то, во что они оценивают русскую армию. Русская армия существует и задачу свою исполняет и исполнит до конца. (*Аплодисменты*) Как бы тяжело ни было наше положение, но мы не беззащитны.

Перед лицом всего мира мы представляем собою сейчас реальную силу, с которой должен считаться каждый. Вместе с тем моя обязанность сказать стране о бесконечном количестве несчастий в армии, на фронте, в тылу. С 1 октября по сегодняшний день внутри страны было 16 погромов, 8 пьяных погромов, 24 самочинных выступления всякого вида. 16 раз пришлось применять вооруженную силу для подавления анархических выступлений»³.

Далее военный министр сказал, что принял свой пост во время Корниловского мятежа, подорвавшего взаимное доверие между командным составом и подчиненными. Он отметил разлагающую роль в боевых частях пополнений, прибывающих из тыла. Новобранцы жаловались на бытовые трудности. Одна из причин жалоб – непонимание цели войны.

А.И.Верховский отмечал: «Военная программа Временного правительства, доложенная на демократическом совещании, проводится в жизнь самым энергичным темпом»³.

Военный министр считал необходимым обратить внимание на то, что при царском режиме, как и в условиях действий Временного правительства, были люди, умевшие подладиться под общее течение и идти «куда ветер дует». Он считал, что с такими людьми нужно бороться как с демагогами.

Военный министр обратил особое внимание на вопрос дисциплины: «Необходимо твердое и определенное постановление Совета Республики по вопросу о применении к анархической и преступной толпе оружия»³. Он считал, что это необходимо для спасения страны.

Это мнение вызвало различную реакцию. П.Н.Миллюков, например, заявил, что Временный совет Российской Республики – орган, избранный «не всей страной»³. Ему вторили правые: «Мы не представители всего народа!»³.

На те слова А.И.Верховский вполне резонно возразил: «Во всяком случае это единственное правительство страны,

которое существует. <...> Мы должны, пока не поздно, принять все решительные меры для спасения страны»³.

Верховный против Корнилова

События в стране развивались стремительно. Предстояло выработать механизм сокращения армии. По инициативе А.И.Верховского в правительственных кругах обсуждался вопрос о введении должности министра демобилизации, аппарат которого был бы не просто ответственным за демобилизацию значительной части военнослужащих, но и взял бы на себя главную заботу о переводе страны на мирное положение².

Известный политический деятель того времени С.Н.Третьяков, возглавлявший главный экономический комитет, считал, что именно его структура должна будет в перспективе заниматься вопросами демобилизации. А.И.Верховский так не считал. Между ними возник конфликт, который должен был разрешиться во Временном правительстве². Вскоре Временное правительство поддержало С.Н.Третьякова^{2,8}.

Различие подходов к проблеме А.И.Верховского и С.Н.Третьякова заключалось в следующем.

Военный министр считал, что в разработке плана демобилизации армии ключевую роль должна играть идея работы высвобождавшихся резервов на оборону. Его же оппонент придерживался мнения, что в первую очередь следует учитывать задачи экономического и хозяйственного характера⁸.

Многие инициативы военного министра наталкивались на непонимание членов Временного правительства, которые были не способны профессионально оценить ситуацию в армии и на фронте. Конфликт между А.И.Верховским и другими министрами Временно-

го правительства с каждым днем разрастался все больше и больше.

Александр Иванович тем не менее старался контролировать ситуацию. Иногда это было сложнее осуществить применительно к тыловым регионам страны, нежели к фронтовым и прифронтовым. Военный министр строго взыскивал с тех подчиненных, которые проявляли безынициативность, неоперативность в своих действиях.

Так, он приказал привлечь за бездействие власти помощника командующего войсками Омского военного округа С.М.Немчинова и командующего войсками округа полковника М.П.Прединского.

Причиной приказа было то, что С.М.Немчинов не предпринял мер по освобождению своего непосредственного начальника полковника М.П.Прединского, который был арестован «комитетом революционной демократии»⁸.

Ряд оппозиционных изданий, в особенности издания националистического толка, критически относились к деятельности военного министра Временного правительства. «Общее дело», например, утверждало, что А.И.Верховский очень быстро сделал военную и политическую карьеру, что он по сути своей демагог: «Ему самому пришлось нарисовать картину разложения армии, и он, как военный министр, не постеснялся заявить, что мы можем ждать восстановления порядка только от немецких штыков. Кажется, дальше уже некуда идти»⁸.

По существу, газета передергивала: А.И.Верховский вовсе не уповал на германскую армию, а лишь предупреждал о ее опасности в случае безынициативности российского руководства.

Каждый день работы военного министра был не только насыщен важными событиями, но и приносил большое нервное напряжение. Чего только стоил, например, допрос Чрезвычайной следственной комиссии по поводу деятельности А.И.Верховского в период Корниловского мятежа. И хотя комиссия допрашивала генерала в его же кабинете, допрос длился 3 часа. Будучи в период мятежа командующим войсками Московского военного округа, А.И.Верховский в тот момент находился в Ставке в Могилеве.

Газета довольно точно описывала ход событий, отмеченный следственной комиссией при допросе: «Члены комиссии подробно расспрашивали военного министра о причинах его успешного отъезда из Ставки. Лишь только распространился слух о происшедшем каком-то недоразумении между ген. Корниловым и Керенским, ген. Верховский чрезвычайно встревожился и позвонил по телефону наштаверу ген. Лукомскому, который передал ему от имени ген. Корнилова приказание остаться в Ставке ввиду того что он может здесь понадобиться».

Однако у ген. Верховского были так расстроены нервы, что он поколебался принять решение: остаться ли ему в Ставке или уехать. Он обратился за советом к Филоненко, который ему посоветовал уезжать из Могилева, и ген. Верховский тотчас же, никому ничего не сказав, поспешил выехать из Ставки.

Через несколько дней, когда мятеж еще не был ликвидирован, ген. Верховскому было приказано вторично поехать в Могилев, но он категорически отказался.

После же ликвидации мятежа, когда в Ставку выехал уже ген. Алексеев для принятия верховного командования от ген. Корнилова... причем он ручался за бескровное разрешение кризиса при условии – не принимать без его ведома никаких мер для ареста ген. Корнилова <...> ген. Верховский неожиданно при помощи вооруженной силы <...> предпринял поход на Могилев для ареста ген. Корнилова с наскоро сформированным им в Москве сильным отрядом.

14 эшелонов войск уже находились в пути, и во главе этого сильного отряда находился сам ген. Верховский, когда было получено донесение от ген. Алексеева, что он прибыл в Могилев и один арестовал всех мятежников. Тогда карательная экспедиция ген. Верховского сама собою распалась, и эшелоны должны были вернуться в Москву, не пожав в Могилеве тех легких лавров, на которые они рассчитывали»⁹.

Представляется, что это описание действий А.И.Верховского очень неточное. Дело не только в том, что в то время он не был генералом, а был полковником. Но как человек дисциплинированный и занимавший один из ключевых постов, он каждый свой шаг в тот момент был вынужден согласовывать с А.Ф.Керенским, который совсем по-другому составил сценарий развивавшихся событий.

Ближе к середине октября 1917 г. акценты в деятельности военного министра несколько сместились в сторону внутривластных проблем. Министрство внутренних дел не могло справиться с антиправительственными настроениями во многих регионах страны. Генерал А.И.Верховский все чаще был вынужден принимать меры по привлечению армии к поддержанию порядка в городах республики.

13 октября в центральной печати был опубликован его приказ, в котором отмечалось: «Одна из задач, возложенных в переживаемое время на армию, есть задача обеспечить внутри страны безопасность жизни от насилия и охранять действительную свободу личности».

Вся территория республики разделена на участки запасных бригад, районы бригад – на полковые. Каждый комиссар или орган самоуправления будут обращаться к ближайшему начальнику бригады или командиру полка, имея нужду в надежных чинах для службы в милиции.

Дело военного министра указать цель и дать нужные средства. <...> На местах – проявлять помощь в делах организации милиции. Мы должны общими усилиями остановить рост анархии.

Цель поставлена, средства даны. Ожидаю живой творческой работы на местах»¹⁰.

Канун Октября

Н и военный министр, ни его ближайшие помощники в тот момент не представляли себе реальной обстановки, сложившейся на фронте и в тылу. Они считали, что страстным словом, письменным приказом вполне возможно нацелить солдат и офицеров на выполнение своих служебных обязанностей. На деле же все обстояло иначе. Временное правительство перестало контролировать ситуацию в стране.

Одна из газет замечала: «Слова теперь утратили влияние, но факты, когда их передают очевидцы, поражают даже в атмосфере слов».

Вчера на собрании офицерских депутатов в самом начале заседания выступил офицер, только что приехавший с фронта. На вопрос, поставленный перед собранием, о том, насколько программа военного министра может поднять боеспособность армии, он ответил: «Нет мер, нет средств повысить боеспособность армии. Солдаты не слушают командиров, отказываются от собственных выборных организаций, не желают слышать о войне. <...> Среди солдатских масс распределены по специальному плану немецкие шпионы. Солдаты сбиты с толку, не верят друг другу, не верят «буржуазным» газетам».

Программа военного министра обсуждалась, но это не было академическим обсуждением, офицеры указывали, что она создана без участия строевых офицеров»⁹.

С каждым днем ситуация в стране все больше выходила из-под контроля.

До 17 октября 1917 г.: П.Е.Дыбенко докладывал Солдатской секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о том, что Временное правительство не давало матросам хлеба: «Для матросов у них не находится хлеба, а еще недавно нами были задержаны 70 вагонов, отправляемые в Швецию, в числе которых

было 40 вагонов масла, которое нам также необходимо. В ответ на задержку этих вагонов военный министр Верховский послал приказ произвести арест комиссара Областного комитета Финляндии. Мы ответили – добро пожаловать, арестуйте. Когда они увидели реальное соотношение сил, то прислали делегацию, которая заявила, что посылка этих вагонов – недоразумение. Мы со своей стороны заявили, что этих вагонов обратно не выдадим и переправим их в Кронштадт»¹¹.

Полиция уже не могла сдерживать мирное население; тыловые воинские части были дезорганизованы.

17 октября 1917 г. военный министр издал приказ № 57, в котором говорилось: «В то время когда части на фронтах несут все лишения, отстаивая страну от вторжения Германии, некоторые тыловые гарнизоны, потеряв воинский облик, позорно предают страну и самих себя в новое рабство горше прежнего. Некоторые тыловые гарнизоны разбивают винные склады, устраивают погромы и бесчинства, подпускаемые (так в тексте. – Авт.) преступной агитацией, убивают своих офицеров, занятия идут плохо почти везде. Этот позор надо окончить».

С фронта мне поступают негодующие заявления от боевых частей, командного состава, фронтовых организаций и сидящих в окопах полков и батарей, что пополнения вносят беспорядок в части на фронтах. До сих пор было больше слов, чем дела. <...>

Развал и анархия губят страну.

Требую от всех начальников в тесном союзе с комиссарами и комитетами самых решительных мер вплоть до применения оружия для подавления анархии»³.

К середине октября 1917 г. военный министр, по существу, остался в изоляции. У него почти не было единомышленников в аппарате министерства, в тылу и на фронте.

К этому же времени предстоявшее выступление коалиции революционных сил против Временного правительства ни для кого уже не было тайной. Газеты пестрили заголовками типа «К выступ-

лению большевиков». Командующий войсками Петроградского военного округа полковник Г.П.Полковников уповал на благоразумие и «сознательность» личного состава Петроградского гарнизона. По его мнению, это могло позволить в

ближайшее время «пресечь в корне всякие эксцессы»².

Известный революционный деятель Д.Б.Рязанов открыто выступал в печати с призывом передать всю полноту власти Советам².

Последние дни во Временном правительстве

В 4 часа утра 18 октября 1917 г. состоялось заседание Временного правительства, на котором обсуждалось «положение дел в Петрограде в связи с предполагаемым вооруженным выступлением большевиков»¹².

По повестке дня выступили министр-председатель А.Ф.Керенский, министр внутренних дел А.М.Никитин, военный министр А.И.Верховский. Все они уверяли правительство, что охрана города организована удовлетворительно, что спокойствию жителей Петрограда ничто не угрожает.

Выступавшие с уверенностью отмечали: «Никаких эксцессов, надо полагать, не будет. Малейшие признаки вооруженного выступления будут ликвидированы»¹².

Между тем 20 октября газета «Общее дело» констатировала: «Уже свыше недели все газеты переполнены сообщениями об ожидаемом выступлении большевиков»².

Тема большевизма стала в те дни в Петрограде чуть ли не модной. Многие спешили высказать по их поводу собственное мнение.

Не был в стороне и редактор газеты «Общее дело» В.Л.Бурцев. Не веривший в то, что вооруженное выступление большевиков состоится, он со скепсисом писал: «Большевики в своей массе сами по себе – люди ничтожные, без какого-то ни было значения в общественной жизни. <...> Они бывают сильны только благодаря потаканию им Керенского, Малянтовича, Верховского, Полковникова...»².

Если еще совсем недавно речи и доклады военного министра вызывали горячие споры, принимались либо с него-

дованием, либо (что бывало гораздо чаще!) с восторгом, то в начале второй половины октября 1917 г. наступили неожиданные перемены. У многих восторг и негодование сменились апатией и безразличием.

Одна из небольших публикаций того времени стоит того, чтобы ее процитировать целиком: «Вчера состоялось открытие приостановленных на время занятий Николаевской военной академии. На открытие собралось до 300 офицеров, которых начальство просило выслушать речь военного министра без всяких проявлений одобрения или неодобрения.

Министр говорил, что будет сообразовываться с голосом академии, что главное его затруднение состоит в том, что он завален советами и проектами о демократизации армии, но в чем именно должна состояться эта демократизация, никто сказать не может. Выходило так, будто ждут на это ответа от военного министра, а сам министр ждет его от кого-то другого. [А.И.Верховский] коснулся единения между солдатами и офицерами, [сказал], что по этому вопросу он разрабатывает программу.

Относительно комитетов министр заявил, что они будут преобразованы, что было намечено Савинковым, не будет проведено в жизнь, то есть комитеты не будут выбирать и аттестовывать начальствующих лиц. Было также некоторое указание на какое-то давление на академию со стороны старого режима.

О государственных вопросах: правительство является сторонником неделимости и целостности государства Российского. Много было слов о тяжелом финансовом положении и анархии.

Уехал министр, как и приехал, при гробовом молчании слушателей»¹³.

Генерал-майор А.И.Верховский старался по возможности проследить динамику настроений сограждан по от-

ношению к русской армии, к наболевшим военным вопросам. Как человек честлюбивый и, вероятно, несколько самовлюбленный, интересовался он и отношением людей к нему лично.

По инициативе правительства в середине октября 1917 г. была создана специальная структура «с функциями прежнего осведомительного бюро для информации всех правительственных учреждений о том, что пишется об их деятельности в печати»². Наблюдатели заметили, что среди членов правительства наиболее внимательно к газетным публикациям относился военный министр генерал-майор А.И.Верховский, которому представлялись многочисленные статьи не только из центральных, но и провинциальных газет, где освещалась деятельность военного министерства.

«Все положительные отзывы газет, – подчеркивал информированный журналист, – подшиваются в отдельную папку»².

В начале второй половины октября 1917 г. ситуация в армии стала еще сложнее. Военные руководители были вынуждены ужесточить репрессивные меры настолько, что А.Ф.Керенский в срочном порядке разослал командующим, комиссарам и комитетам фронтов телеграмму, в которой потребовал: «Впредь до особого распоряжения предлагать не приводить в исполнение смертных приговоров»².

На фоне непростой обстановки с 16 октября 1917 г. по Петрограду «ходили упорные слухи о возможной отставке ген. Верховского»⁸. Толчком к появлению слухов стал уже упоминавшийся конфликт в правительстве между А.И.Верховским и С.Н.Третьяковым.

17 октября 1917 г. Александр Иванович с горечью записал в своем дневнике: «Технический аппарат верховного управления страной настолько осложнился всюду проводимой идеей коллегиальности, что самая очевидная вещь,

прежде чем быть осуществима, задерживается в обсуждении на месяцы<...>».

Сейчас нарастает такая опасность общей катастрофы, после которой все устои будут сорваны. Это мало кто видит, и на краю пропасти продолжается борьба партий и мнений и даже отдельных людей между собой <...>».

На следующий день, 18 октября, в своем дневнике он добавил: «Какое непонимание психологии народа! Какие несчастья нас ждут!»¹⁴

19 октября возможный уход в отставку военного министра А.И.Верховского, как и министра иностранных дел М.И.Терещенко, стал темой дня в политических кругах столицы¹⁵.

Появился еще один тревожный, хотя не всеми замеченный симптом: военный министр встречался с делегациями Сибирского и Донского казачества. Казалось бы, само по себе это обстоятельство ничего особенного не представляло. Но жители Петрограда хорошо помнили события двухмесячной давности, когда генерал Л.Г.Корнилов, организуя мятеж, видел свою опору именно среди казаков. Сибирское казачество просило Временное правительство дать ему возможность участвовать в следствии по делу Л.Г.Корнилова. Об опальном генерале речь шла и на встрече военного министра с донцами.

18–19 октября 1917 г. обстановка во Временном правительстве была накалена до предела.

Газета «Вольность» сообщала: «Военный министр возбудил вопрос об образовании министерства реконструкции, наподобие Англии, которое должно бы заняться приведением страны на мирное положение. Ген. Верховский полагал, что министерство это должно быть при военном министерстве. Проект был подвергнут критике. <...>»

В третьем часу ночи Керенский вызвал к себе генералитет, который информировал Верховного Главнокомандующего о настроениях Петроградского гарнизона»⁷.

Но уже через два дня ситуация во Временном правительстве обострилась

еще больше. Внутри кабинета министров возник крупный внутренний конфликт. Газеты утверждали, что он возник «на почве разногласий между министром-председателем А.Ф.Керенским и военным министром ген. Верховским, имеющий под собою личную почву»⁹.

Аналитики отмечали, что в последнее время популярность А.И.Верховского существенно возросла, ему симпатизировали многие представители демократических кругов Совета Республики⁹. Это вызвало отрицательное отношение А.Ф.Керенского к А.И.Верховскому. Министр-председатель выразил неудовольствие по поводу того, что генерал-майор А.И.Верховский игнорировал общие заседания правительства.

Газета утверждала, что военному министру «даже было написано официальное письмо с предупреждением, что в случае его неявок во Временное правительство все проекты военного ведомства будут сниматься с очереди и правительство их не будет рассматривать»⁹.

К уже имевшемуся конфликту А.И.Верховского с С.Н.Третьяковым добавился еще один. «У генерала Верховского оказались разногласия и с некоторыми другими членами коалиционного кабинета, особенно в последние дни, когда ожидается выступление как раз крайних левых элементов, к которым по своим воззрениям примыкает ген. Верховский. В итоге всех разногласий вчера распространились слухи об оставлении ген. Верховским поста военного министра»⁹.

Другое издание утверждало, что Александр Иванович подает в отставку, поскольку у него возникли разногласия «с большинством членов Временного правительства»*.

Этот очередной слух был опровергнут самим военным министром.

21 октября 1917 г., в субботу, в полдень произошла встреча министра-председателя А.Ф.Керенского с военным министром А.И.Верховским.

После нее Александр Иванович заявил корреспонденту газеты «Народ»: «Разговор о моем уходе из состава Временного правительства не имеет под собой серьезного основания. Прошение об отставке я не подавал и подавать не думаю. Я не могу покинуть пост военного министра еще и потому, что в силу соглашения, состоявшегося во Временном правительстве, настоящий состав правительства должен оставаться до созыва Учредительного собрания, до которого остается немного времени. Все разногласия между министрами должны оставаться в четырех стенах»⁹.

В тот же день газета «Общее дело» выступила с кричащей статьёй.

Ее редактор В.Л.Бурцев сообщал читателям: «Я только что узнал, что вчера в заседании комиссии по обороне в Совете Республики военный министр ген. Верховский, один из главных виновников гибели ген. Корнилова, предложил заключить мир с немцами тайно от союзников <...>

Это – измена России!

Терещенко заявил, что предложение ген. Верховского даже и не обсуждалось во Временном правительстве.

«Это, – сказал М.И.Терещенко, – какой-то сумасшедший дом!»

Члены комиссии от слов ген. Верховского пришли в ужас <...>

Ген. Алексеев плакал.

Нет! Это – не сумасшедший дом! Это хуже всякого сумасшедшего дома! Это – прямая измена России!

За слова Верховского должны немедленно дать нам ответ Керенский, Терещенко и Некрасов.

Граждане, все на ноги.

Россию предают!

Спасайте ее!

Вл. Бурцев»².

* Возможно, эта информация послужила основанием для ошибочной публикации спустя много лет сведений в Полном собрании сочинений В.И.Ленина о том, что военный министр А.И.Верховский «19 октября (1 ноября) 1917 г. вышел в отставку в связи с отклонением предпарламентом предложенной Верховским демобилизации значительной части армии и др. мер». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 533).

О событиях того дня писал в своих воспоминаниях и А. Ф. Керенский.

Он отмечал: «20 октября (1917 г. — Авт.) в заседании комиссии по обороне Совета Российской республики (предпарламента) военный министр генерал Верховский неожиданно, без ведома и предупреждения Временного правительства выступил с весьма категорическим заявлением о необходимости немедленно заключить мир даже в случае несогласия на это союзники».

Все, кто помнит действительную обстановку, в которой находилась тогда Россия, и в частности Петербург, [могут] легко представить себе, какие последствия вызвало бы широкое оглашение этого личного преступного выступления военного министра, целиком совпадавшего с той агитацией, которую ввели тогда в армии большевики и немецкие агенты.

Министр иностранных дел М. И. Терещенко прямо из комиссии по обороне явился поздно ночью в заседание Временного правительства, где и было решено:

1) генерала Верховского уволить в отпуск с освобождением впредь до назначения ему заместителя от всех служебных обязанностей и с предложением немедленно покинуть столицу;

2) обратиться ко всем редакциям газет с настойчивой просьбой (право запрещать печатание тех или иных известий Временного правительства не имело) не помещать никаких сообщений, заметок и разъяснений по поводу выступления генерала Верховского.

Единственной газетой, не уважившей просьбы правительства и не исполнившей своего патриотического долга оказалась газета г-на Бурцева «Общее дело», за что и была по моему распоряжению немедленно закрыта⁵.

На следующий день, 22 октября 1917 г., в воскресенье, ряд газет, в том числе газета «Армия и флот свободной России», опубликовали материалы беседы с военным министром, главным поводом для которой стало заявление газеты «Общее дело» «о том, что ген. Верховский на заседании комиссии по обороне – в Совете Республики якобы предложил заключить мир втайне от наших союзников»^{6, 16}.

Во время беседы генерал-майор А. И. Верховский заявил: «Восставая всей душой против

заключения позорного сепаратного мира, я восставал и восстаю против пораженческой агитации, которая усиленно развивалась в дни военных операций, которыми враг надеялся произвести психологическое воздействие на народ в расчете, что сердце забьется у трусов и они напишут позорный мир. Так говорил я в ЦИК СД и так говорил я в Совете Российской Республики.

В то же время, принимая во внимание, что на фронте разложение вносят прибывающие из тыла пополнения, подвергшиеся обработке пораженцев, я указывал на необходимость принятия решительных мер борьбы с разрушительной работой в тылу. О таких мерах свидетельствует ряд моих распоряжений. Приписывание стремлений, мне противных, абсолютно не соответствует всему, что я делал и делаю как военный министр, я могу объяснить одним лишь нежеланием меня понять, приписывание же мне [планов] предложения заключить сепаратный мир, ударить по армии и, может, способствовать развитию того, с чем я борюсь – развитию пораженчества. Этого также не понял Бурцев»^{6, 16}.

В заключение беседы корреспондент резюмировал: «Военный министр в категорической форме заключил о том, что никогда и нигде не выступал с предложением сепаратного мира. Ген. Верховский привлекает к судебной ответственности редактора газ. «Общее дело» Бурцева за явно клеветническую заметку в номере от 21-го октября»^{6, 16}.

Лгал ли генерал А. И. Верховский? Даже сейчас на этот вопрос невозможно дать однозначный ответ. Правильней будет сказать, что он не дал исчерпывающей информации и был в этом абсолютно прав. Придавать огласке подробности дебатов, развернувшихся на заседании комиссии по обороне, было категорически нельзя. Сведения, обнаруженные военным министром, позиции членов Временного правительства и политиков, находившихся на том заседании, могли бы стать толчком к широко-масштабным народным волнениям.

Публикация А. С. Васюковым в 60-е годы сведений из отчетов о секретных заседаниях Временного правительства позволила ясно понять причины противостояния между военным министром и его оппонентами.

По данным Александра Ивановича, в Русской армии в тот момент проходило службу 10,2 млн чел. Но страна могла прокормить в тот момент лишь семи-миллионную армию¹⁷. Накануне зимы на фронтовых складах лежало до 3 млн полушубков, из которых службы тыла могли доставить на фронт лишь половину¹⁷!

На том заседании у генерал-майора А.И.Верховского хватило смелости сказать: «... никакие убеждения не в состоянии подействовать на людей, не понимающих, ради чего они идут на смерть и лишения»¹⁷. Свои слова он подтвердил многочисленными цифрами, среди которых одной из самых впечатляющих было число дезертиров из армии – 2 млн чел.

Военный министр очень аргументированно объяснил участникам того заседания, что заключение мира с Германией – это единственный способ сохранить российскую государственность. Он на конкретных примерах показал, что союзники сознательно уклоняются от своих союзнических обязательств. Из заказанных в США 2375 паровозов была поставлена в Россию лишь небольшая часть. Англия неохотно шла навстречу нашей армии в поставке артиллерийской техники и снарядов¹⁷. Франция в недостаточном количестве поставляла самолеты, что привело к «угасанию» российской авиации¹⁷.

Военному министру не удалось убедить членов правительства и представителей политических кругов в необходимости заключения мира с Германией, согласовывая свои действия с союзниками. Осознавая это, он пришел к выводу, что Россия будет вынуждена «подчиниться судьбе и пройти через большевистское восстание»¹⁷.

Сообщения о грядущей отставке военного министра сменялись их опровержениями, и наоборот. Если 20 октября

газета «Новая Русь» сообщала, что вопреки слухам Верховский остается на своем посту, «потому что Временное правительство не считает возможным сейчас столь серьезные перемещения»¹, то уже на следующий день эта же газета вышла с сенсационным заголовком: «Верховский всерьез уходит»: «Военный министр, реформатор не стесняется говорить, что он уходит со своего поста ввиду крупного разногласия с большинством Вр. правительства»¹.

Вероятно, мысли об отставке в те дни посещали А.И.Верховского не раз. Но он не только не принимал решение о ней, но и делал все возможное, чтобы влиять на ситуацию в армии. Например, во время своей беседы с офицерами Генерального штаба Александр Иванович заявил, что категорически против возвращения в армию одних из самых авторитетных генералов того времени – Н.Н.Юденича, Н.В.Рузского, А.А.Брусилова. Он сказал, что такие назначения могут быть только после его отставки².

Казалось бы, косвенным подтверждением долгосрочных служебных планов военного министра было содержание его приказа, опубликованного 22 октября, в котором говорилось о приостановлении возвращения с военной службы солдат, работавших в сфере оборонной промышленности, даже если о том ходатайствовали руководители их предприятий¹⁵.

События развивались столь быстро, что порой газеты за ними не поспевали. Так, газета «Вольность» 22 октября опубликовала заголовок статьи «Ген. Верховский» и подзаголовок «Бурцев и Верховский», но никакого текста по этому поводу не публиковала. Там же, дав заголовок «Беседа с ген. Верховским», она ограничилась пробелом. Скорее всего, это был результат чрезвычайной спешки верстки номера. Два этих заголовка, будучи набранными, уже утратили свою

актуальность, поскольку куда актуальнее звучал новый заголовок «Отставка ген. Верховского»⁷. Под ним был короткий текст: «Ночью нами получены сведения, что ген. Верховский увольняется

в двухнедельный отпуск и, передают, к своему посту больше не вернется.

Политическое руководство военным ведомством принимает на себя А.Ф. Керенский»⁷.

Отставка Верховского и Октябрь

Временное правительство пыталось не допустить утечки секретной информации о кадровой ситуации на вершине государственной власти, что только раззадоривало средства массовой информации.

«Новое время» писало: «Нами получено следующее официальное сообщение Петроградского телеграфного агентства "К сведению редакции":

<...> запрещается разглашать сведения, касающиеся закрытого заседания по обороне Временного Совета Республики вообще и объяснений военного министра ген. Верховского в частности. Временное правительство обращает внимание на то, что в случае неисполнения сего распоряжения каждая газета, нарушившая это последнее [распоряжение], будет закрыта, подобно тому, как по распоряжению правительства ныне закрыта газета "Общее дело"».

Поздно ночью Петроградским агентством в редакцию было передано другое сообщение: «Подтверждается вновь воспрещение печатать сведения о закрытом заседании комиссии по обороне и выступлении ген. Верховского. Разрешается печатать лишь сообщения за подписью Знаменского и Скобелева»⁹.

В газете опровергались слухи о том, что А.И.Верховский предложил заключить мир с немцами, но далее отмечалось, что, несмотря на опровержение, правительство не могло отнестись равнодушно к самой форме выступления военного министра: «Осудив такие единичные выступления по самым ответственным вопросам, Временное правительство приняло во внимание несколько болезненное состояние ген. Верховского, которое до известной степени является извиняющим обстоятельством слов министра, и решило дать ген. Верховскому отпуск для восстановления здоровья. При этом в осведомленных кругах высказывается сомне-

ние, вернется ли ген. Верховский на должность»⁹.

Мнения по поводу выступления военного министра в комиссии Совета Республики были разными.

Среди союзников появились сомнения «о действительном смысле и причине ареста ген. Корнилова и Деникина»⁹. Некоторые члены Совета Республики, апеллируя к компетентности генерала А.И.Верховского, настаивали на немедленном заключении мира»⁹.

Свое мнение высказали и ученые, тяготевшие к политике. П.Б.Струве по поводу выступления ген. А.И.Верховского заявил, что после его речи отставка военного министра совершенно необходима в самый кратчайший срок, а дальнейшее пребывание его на столь ответственном посту «угрожает страшными последствиями»⁹.

Ситуацию, царившую в Петрограде 23 октября 1917 г., очень емко охарактеризовал Джон Рид: «В понедельник, 5 ноября (23 октября), утром я заглянул в Мариинский дворец, чтобы узнать, что делается в Совете Российской Республики. Ожесточенные споры о внешней политике Терещенко. Отклики на инцидент Бурцев – Верховский»¹⁸.

Вероятно, с понедельника, с 23 октября 1917 г., генерал-майор А.И.Верховский, формально числившийся военным министром Временного правительства, по существу был уже отдален от дел.

Подтверждение тому – ряд публикаций, появившихся 24 октября.

Газета «Народ» сообщала: «Как говорят в хорошо осведомленных кругах, военный министр ген. Верховский, получивший двухнедельный отпуск, к своему посту больше не вернет-

ся. Приемниками ген. Верховского назначают ген. Бискунского и ген. Яхонтова»¹².

Более подробно ситуацию описывал «Петроградский листок»: «После вчерашнего заседания 21 октября, вызванного заметкой Бурцева в "Общем деле", было решено дать ген. Верховскому официальный отпуск на две недели по болезни. Но фактически ген. Верховский уже устранен (так в тексте. — Авт.) от занимаемой должности и более на свой пост не вернется.

Трения между ним и большинством членов кабинета начались чуть ли не с первого дня. Программа реорганизации армии, представленная им, встречала категорические протесты и возражения со стороны министров.

Еще более серьезные трения вызвала позиция его по вопросу о мире, которая в общем совпадает с позицией наказа Совета рабочих и солдатских депутатов Скобелеву.

Ген. Верховский пожелал оставить пост военного министра и несколько раз пытался уйти в отставку, но всякий раз Керенский удерживал его, указывая, что до созыва Учредительного собрания состав Временного правительства не должен подвергаться никаким изменениям, и уход одного министра может вызвать кризис. После «сенсационной» заметки Бурцева, опровергнутой председателями обоих (так в тексте. — Авт.) комиссий, положение резко изменилось.

Правительство решило обратиться с инструкцией к нашим заграничным послам. В субботу же ночью ген. Верховский выехал в Финляндию»¹⁹.

Разные издания по-своему расставляли акценты в ситуации, связанной с отпуском А.И.Верховского в отпуск.

«Новое время» писало об увольнении А.И.Верховского по болезни как члена правительства и военного министра, отмечало, что временное управление министерством возложено на генерала от артиллерии А.А.Маниковского^{9,7}. Та же газета сообщала: «Мы получили сведения о сильном давлении большевиков на Временное правительство в смысле оставления ген. Верховского на посту воен. министра»^{9,7}.

«Рабочая газета» придерживалась более нейтрального тона: «Военный министр Верховский взял двухнедельный отпуск и уехал из Петрограда. Во временное управление министер-

ством вступил генерал Маниковский. Общее наблюдение за работой военного министерства поручено А.Ф.Керенскому»²⁰.

Большую осведомленность проявило «Новое время»: «Как нам сообщают, уволенный в отпуск военный министр ген. Верховский уехал на Валаам. Отъезд его был, однако, не совсем добровольный, т.к. Валаам был назначен ему местом жительства Временным правительством. Передаем это сообщение, как слух»⁹.

Отправка А.И.Верховского в отпуск рассматривалось различными общественными слоями по-разному.

По мнению В.И.Ленина, удаление военного министра от власти было одним из главных сигналов к тому, что медлить с вооруженным восстанием революционными силами, и в частности большевикам, больше нельзя.

Это Владимир Ильич подчеркивал в письме к членам ЦК РКП(б) вечером 24 октября 1917 г.²¹, написанном, вероятно, незадолго до его ухода с последней конспиративной квартиры на Сердобольской улице, дом 1а в Смольный²¹.

Находясь на посту военного министра, А.И.Верховский был верен себе: честно и много трудился, искренне стремился провести реформирование армии, проявляя при этом компетентность и профессионализм выпускника Академии Генерального штаба и многоопытного офицера-фронтовика.

В то же время есть устойчивое ощущение того, что А.И.Верховский, находясь на посту военного министра, стремился вести и собственную игру, желая стать лидером в министерской среде. Обстановка войны и положение в Русской армии объективно способствовали этому. Не исключено, что одной из причин раздора между А.И.Верховским и другими деятелями Временного правительства была именно «карьерная гонка», а не только разные подходы к реализации злободневных планов. Хотя пути их реализации и конечные цели

представляли собой не что иное, как ступени на пути к укреплению политической власти.

Стремление создать желаемую конфигурацию механизмов реализации задуманного и у А.И.Верховского, и у его оппонентов в правительстве были не только проявлениями собственных амбиций, но и «авторскими» рычагами воздействия на укрепление собственного положения в политической системе страны.

В различных источниках при анализе взаимоотношений А.Ф.Керенского и А.И.Верховского чаще обращается внимание на то, что в основе их конфликта лежали причины личного характера, прежде всего большие эмоции двух крайне самолюбивых и, вероятно, даже самовлюбленных политиков.

Представляется, что это лишь внешняя сторона вопроса. Скорее всего ситуация была несколько сложнее. Можно предположить, что в какой-то момент (вероятно, в середине октября 1917 г.) А.Ф.Керенский увидел в А.И.Верховском реального политического соперника. На фоне резкого падения авторитета министра-председателя популярность военного министра среди людей, реально влиявших на политическую ситуацию в стране, стала заметно повышаться.

Углубление внутривластного кризиса могло бы привести к появлению качественно новых личностных приоритетов внутри правительства: при благоприятных условиях А.И.Верховский мог бы стать политической фигурой номер один. Мог бы. Отправка его в отпуск и отрешение от должности, вероятно, лишь добавили бы ему популярности и создали ореол мученика.

А.Ф.Керенский и его единомышленники представлялись бы как деятели, устроившие травлю энергичного и честного политика. Военное прошлое и настоящее А.И.Верховского, ситуация в

стране и на фронте, вполне возможно, сделали бы Александра Ивановича единовластным военно-политическим лидером России.

Если Корниловский мятеж воспринимался активным большинством военных и гражданского населения как явление отрицательное, то возможный военный диктат генерала А.И.Верховского в условиях значительно большего (по сравнению с августом 1917 г.) усиления кризиса осенью того же года, скорее всего, был бы встречен многими, и особенно армией, как единственно возможный путь выхода из тупика.

Но политическая ситуация до такого момента дозреть не успела: общество взорвалось раньше. Ход российской истории, и по существу всего человечества, пошел по известному всем сценарию.

А.Ф.Керенский, разумеется, никогда бы не признал, что опасался А.И.Верховского как своего политического соперника, хотя сам, по существу, вырастил его. Гораздо проще было увидеть в военном министре недостатки, обвинить его в непонимании складывающейся ситуации. А ситуацию октября 1917 г., строго говоря, не понимал никто – ни власть, ни оппозиция.

Оценивая события октября 1917 г., экс-министр-председатель пошел по простому, но нечестному пути: он попытался сравнить ершистого военного министра А.И.Верховского и покладистого морского министра Д.В.Вердеревского.

Александр Федорович вспоминал: «Однако нужно признать, что между Верховским и Вердеревским была существенная разница. Умный и большой дипломат, Вердеревский отлично понимал созданное корниловщиной положение, хотел спасти, что было еще возможно спасти, главной задачей своей считал защиту оставшихся еще невредимыми офицеров флота от дальнейших самосудов и окончательного истребления. <...>

Генерал же Верховский не только не мог совершенно овладеть положением, но даже не

смог и понять его<...> Был подхвачен политическими игроками слева и помчался без руля и без ветрил прямо навстречу катастрофе.

Мне, может быть, с большим основанием поставлено в вину назначение на пост военного министра именно Верховского, и я принимаю эти упреки. Это было самое неудачное из всех назначений: Верховский в свою деятельность внес что-то неуловимо комическое.

Однако не в оправдание себе, а просто для объективности, я должен сказать, что до назначения военным министром Верховский представлял из себя (так в тексте. – Авт.) несколько другую фигуру. Я уже не говорю о его деятельности в Севастополе и раньше, но еще 27 августа [1917 г.] в телеграмме Корнилову он выражал свою солидарность с существом корниловских мероприятий, протестуя только против метода действий Корнилова: «Можно и нужно было менять политику, но не подрывать последние силы народа во время прорыва фронта».

Приехав же после своего назначения в Петербург (так в тексте. – Авт.), Верховский всем представлялся как «корниловец». Кроме того, благодаря некоторой неопределенности поведения во время Корниловского движения, иных желательных кандидатов выбирать мне было буквально не из кого. Видеть же военного на посту военного министра захотели вдруг справа и слева»⁵.

Из этой цитаты видно, как опытный полемист А.Ф.Керенский умело использовал одновременно два эффективных приема: попытался представить умного и образованного Александра Ивановича чуть ли не клоуном и использовал наговор, пытаясь поставить знак равенства между Л.Г.Корниловым и А.И.Верховским.

Оценок поступков А.И.Верховского в период его службы военным министром Временного правительства немало. Их давали современники генерала и уче-

ные, анализировавшие его деятельность. Среди разных взглядов близкой к объективности представляется позиция Б.А.Энгельгардта, которому приходилось сталкиваться с Александром Ивановичем по службе.

Опытный военный, фронтовик, он отмечал: «Он был первым из ответственных военных деятелей, открыто признавших, что Русская армия больше не боеспособна, и предложивших сделать из этого соответствующие выводы, т.е. заключить мир.

Это было весьма обидно всем, кто еще цеплялся за рушащуюся русскую национальную государственность, но это было фактически необходимо»²².

Но были и совершенно противоположные оценки деятельности последнего военного министра Временного правительства.

Обозреватель одной из французских газет в крупной статье «Максималисты. Вторая русская революция» почти по горячим следам, 14 ноября 1917 г., гневно писал: «К сожалению, в самом [Временном] правительстве находился человек, который пошел на сговор с большевиками, что значительно упростило переворот, который они, большевики, готовили открыто.

Этим человеком оказался не кто иной, как военный министр генерал Верховский, предательство которого стало очевидно Керенскому только тогда, когда уже началось восстание максималистов. Энергичное противодействие в отношении к этому министру со стороны Керенского последовало слишком поздно и посему стало бесполезным»²³.

А.И.Верховский был единственным членом Временного правительства, узнанным об Октябрьском перевороте лишь спустя несколько дней после его совершения.

Примечания

¹ Новая Русь. 1917. № 19. 1 окт.; № 20. 3 окт.; № 26. 11 окт.; № 34. 20 окт.

² Общее дело. 1917. № 8. 3 окт.; № 9. 4 окт.; № 15. 10 окт.; № 11. 6 окт.; № 12. 7 окт.; № 14. 9 окт.; № 15. 10 окт.; № 16. 11 окт.; № 19. 16 окт.; № 23. 20 окт.; № 21. 18 окт.; № 20. 17 окт.; № 24. 21 окт.

³ Война и мир. 1917. № 101. 4 окт.; № 107. 11 окт.; № 115. 20 окт.

- ⁴ Петроградская газета. 1917. № 233. 4 окт.; № 239. 11 окт.
- ⁵ Керенский А.Ф. Дневник политика: Революция началась! // Издалёка. Дело Корнилова. М.: Интелвак, 2007. С. 421, 306, 523–524.
- ⁶ Армия и флот свободной России. 1917. № 228. 5 окт.; № 243. 22 окт.
- ⁷ Вольность. 1917. № 2. 11 окт.; № 9. 19 окт.; № 12. 22 окт.; № 13. 24 окт.
- ⁸ Газета-копейка. 1917. № 3293. 20 окт.; № 15. 12 окт.
- ⁹ Новое время. 1917. № 14 896. 13 окт.; № 14 903. 21 окт.; № 14 904. 22 окт.; № 14 905. 24 окт.; № 14 906. 25 окт.
- ¹⁰ Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 196. 13 окт.
- ¹¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 4. 3 июля 25 октября 1917 года. С. 510.
- ¹² Народ. 1917. 18 окт.; № 7. 24 окт.
- ¹³ Вечернее время. 1917. № 1951. 16 окт.
- ¹⁴ Верховский А.И. Россия на Голгофе. (Из походного дневника 1914-1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 67.
- ¹⁵ Русская воля. 1917. № 249. 20 окт.; № 251. 22 окт.
- ¹⁶ Единство. 1917. № 170. 22 окт.
- ¹⁷ Васюков А.С. Внешняя политика Временного правительства. М.: Мысль, 1966. С. 465, 466–467, 471, 472.
- ¹⁸ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. Накануне // В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л.: Лениздат, 1982. С. 187.
- ¹⁹ Петроградский листок. 1917. № 255. 24 окт.
- ²⁰ Рабочая газета. 1917. № 194. 24 окт.
- ²¹ Ленин В.И. Письмо членам ЦК // Полн. Собр. соч. Т. 34. С. 435, 504.
- ²² Цит. по: Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 56.
- ²³ Le Progrès. 1917. № 21 017. 14 ноября.

Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год